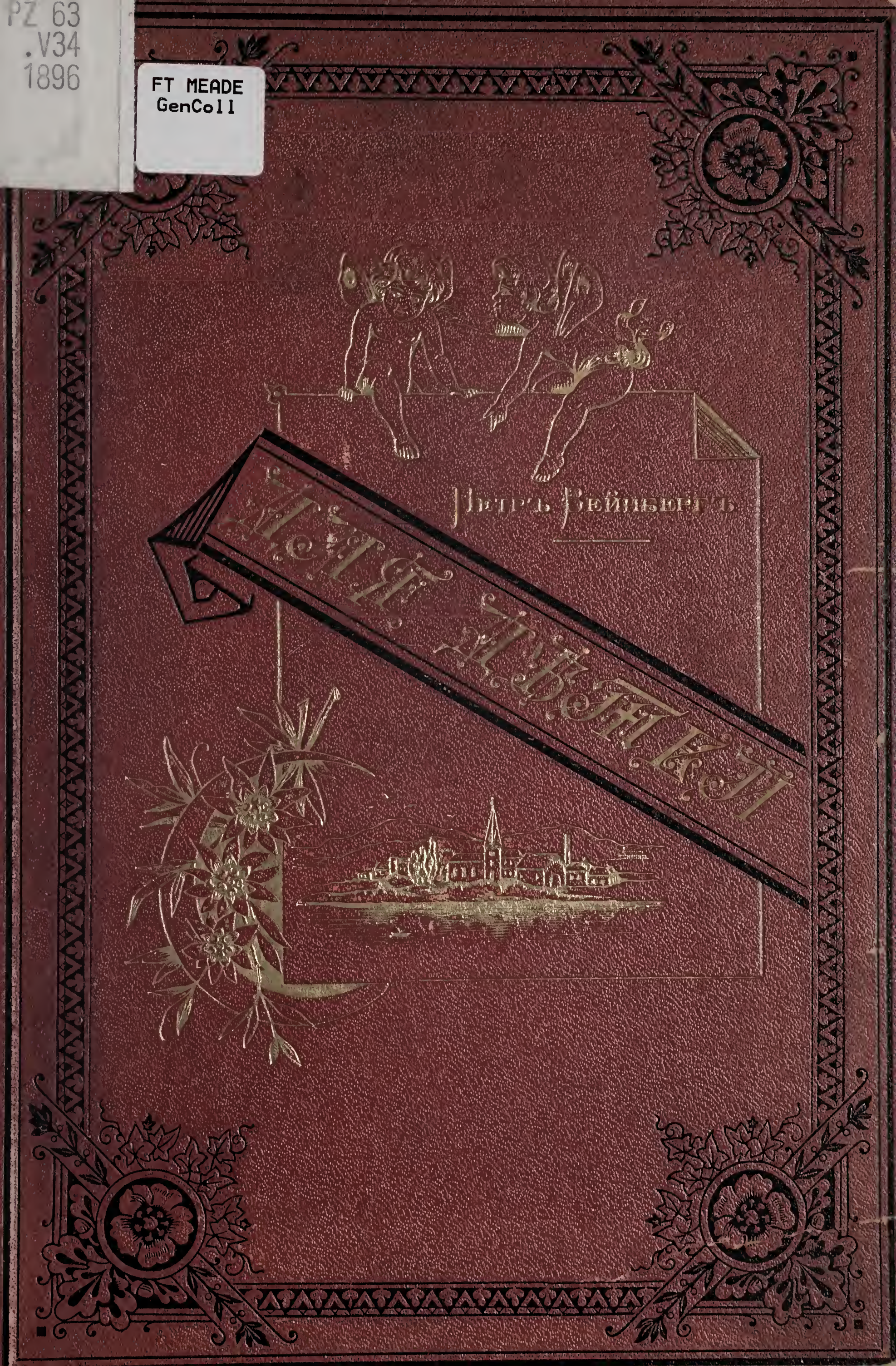
PZ 63
.V34
1896

FT MEADE
GenColl



1,50/3

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1923

Class

Book

YUDIN COLLECTION

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Weinberg, Petr Is

Петръ Вейнбергъ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ

(СТАРШАГО ВОЗРАСТА).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

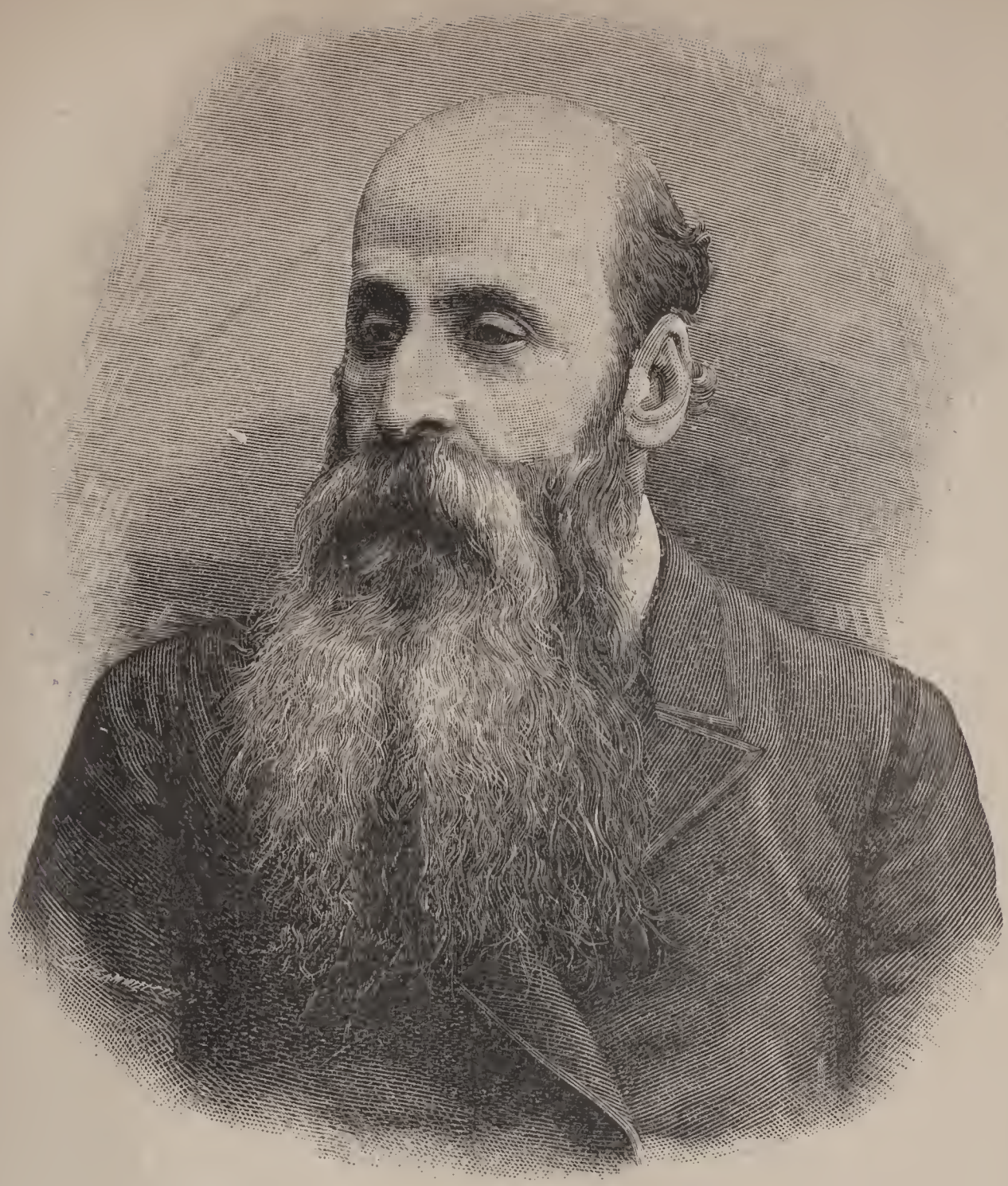
(Съ рисунками Е. М. Бёмъ, Н. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломко).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

PZ63
.V34
1896

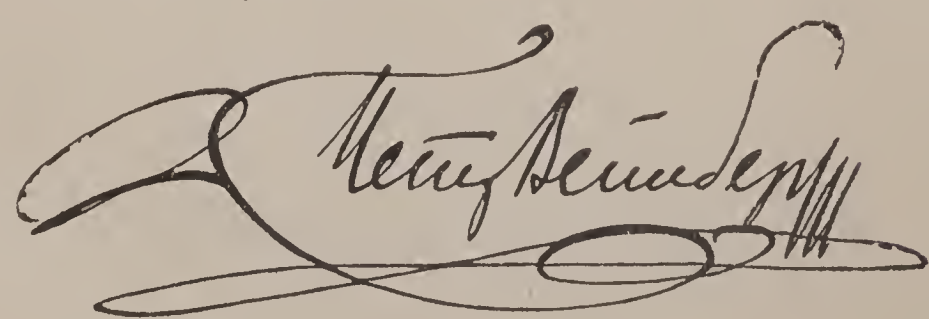
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1896 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.



Чуткому дѣтскому сердцу
Въ мирномъ пріютѣ семьи
Я посвящаю съ привѣтомъ
Эти страницы мои.

Если забьется отрадно
Чуткое сердце дѣтей,
Это, друзья мои, будетъ
Лучшей наградой моей.



Оглавленіе.

	стр.
На новый годъ	9
Божій Міръ	11
Внучки — Бабушкѣ	13
Другу Вадиму	17
Василекъ	23
Къ моей матери	34
Послѣ кораблекрушенія	37
Игрушка Великановъ	45
Колыбельная пѣсня	47
Бабушка-Скалиха	49
Родя	65
Молитва обо всѣхъ	79

На Новый годъ.

Въ новый годъ мы пожелаемъ
Нашимъ дѣтямъ — этотъ годъ,
Какъ и всѣ въ грядущей жизни,
Все впередъ идти, впередъ —

Чистой, свѣтлою дорогой
Правды, чести и добра,
Помня то, что жизнь не шутка
И не праздная игра;

Что Господь далъ человѣку
Умъ и сердце для того,
Чтобъ работалъ онъ на пользу
Человѣчества всего;

Чтобы выше всѣхъ разсчетовъ,
Личныхъ вкусовъ и причудъ
Ставилъ онъ любовь, и милость,
И разумный, честный трудъ.

Божій Міръ.

Прекрасенъ Божій міръ! Творецъ
Разсыпалъ много въ немъ отрады
И для ума, и для сердецъ.
Куда бъ ни обратились взгляды —
Вездѣ природы жизнь слита
Въ чудесно гармоничномъ хорѣ,
Какъ струйки водъ въ безбрежномъ морѣ.
Повсюду жизнь и красота...

Съ радушной щедростью открыла
Свои сокровища земля;
На лѣсъ, на воды, на поля
Привѣтный блескъ струятъ свѣтила.
Ничто гармоньи міровой
Не рушитъ силою враждебной,
Не губитъ прелести живой,
Очаровательно волшебной...

И это все Творецъ обрекъ
Тебѣ въ служенье, человѣкъ!

Храни жъ ненарушимо свято
Великій даръ! Не оскверняй

Ниспосланный на землю рай
Слѣпою злобой противъ брата,
Шипѣньемъ гнусной клеветы,
Корыстной мелкою борьбою!
Въ міръ благодатной чистоты,
Добра, любви — вноси съ собою
И сердце чистое, и умъ,
Закрытый для порочныхъ думъ.

Всѣмъ существомъ съ природой схожій,
Не прикоснись къ ея дарамъ
Съ пятномъ на совѣсти: Міръ Божій
Тебѣ пусть будетъ Божій Храмъ.

Внучки—Бабушкѣ.

I.

Когда столѣтній дубъ, въ могучей красотѣ,
Зеленую листву раскинувъ на просторѣ,
Какъ будто съ думою глубокою во взорѣ
Порой таинственно зашепчетъ въ высотѣ

Про все, что̀ видѣлъ онъ, про все, что̀ мудрый опытъ
Успѣлъ принесть ему за много, много лѣтъ,
И далеко кругомъ несется этотъ шопотъ,
Какъ притча мудрая, какъ дорогой совѣтъ,—

Тогда вокругъ него деревья молодыя
И первые цвѣты воскреснувшей весны
Внимаютъ старику, почтительно нѣмые,
Глубокой нѣжности, сыновнихъ чувствъ полны;

И точно черпаютъ живительныя силы
Созданья юныя у старости сѣдой,
Съ надеждой теплою, что будетъ до могилы
Она для нихъ свѣтить спасительной звѣздой.

Подобно имъ и мы — мы, молодое племя,
Семьею дружною сбираемся вкругъ васъ,
И ваша мудрость намъ на будущее время
Готовитъ для ума безцѣннѣйшій запасъ.
И въ сердцѣ вашемъ мы находимъ много, много
Чудесной теплоты, и учитъ насъ оно
Быть честными людьми, оберегая строго
Все то, что̀ Богомъ намъ хорошаго дано.

II.

Цвѣты весенніе сегодня
Несутъ зимѣ родной привѣтъ,
Молясь, чтобъ благодать Господня
На васъ лежала много лѣтъ;

Чтобъ этотъ новый день рожденья
Открылъ собою новый рядъ
Дней, чуждыхъ горя и волненья
И полныхъ мира и отрадъ;

Чтобъ солнце радостно играло
Средь благодатной тишины
И зимній путь вамъ освѣщало
Лучами теплыми весны!..

Другу Вадиму.

I.

(При посылкѣ игрушки «Скачка»).

Въ игрушкѣ этой — погляди,
Мой другъ — такой уже порядокъ,
Что изъ бѣгущихъ здѣсь лошадокъ,
Та иль другая впереди
Всѣхъ остальныхъ прійдетъ къ барьеру,
Гордясь побѣдою...

Дай Богъ,
Чтобъ, подражая ихъ примѣру,
Ты въ жизни точно также могъ
Всѣхъ обгонять — умомъ и знаньемъ,
Любовью къ истинѣ святой,
Своей душевной чистотой
И смѣлымъ, пламеннымъ желаньемъ
Безостановочно идти
По благодатному пути.

II.

(При посылкѣ разсказовъ Жюля Верна).

Даря тебѣ разсказы Верна,
Желаю, чтобъ была безмѣрна
Игра фантазіи твоей
При чтеньи ихъ: воображенье
Приводитъ въ теплое движенье
Всѣ чувства лучшія людей.

Пускай на вещи трезвымъ глазомъ
Глядитъ всегда холодный разумъ:
Онъ — драгоцѣнный Божій даръ.
Но жалокъ тотъ (будь старъ иль молодъ).
Въ комъ благотворно въ этотъ холодъ
Не проникаетъ чувства жаръ.

III.

(При посылкѣ стихотвореній Пушкина и Лермонтова).

Читай поэтовъ, другъ, и будь въ душѣ поэтомъ.
Повѣрь, что каждый разъ, какъ злое что нибудь
Стѣснитъ мучительно твою больную грудь,
Иль ты, обманутый себялюбивымъ свѣтомъ,
Увидя, какъ среди недобрыхъ и невѣждъ
Въ прахъ топчатся цвѣты прекраснѣйшихъ надеждъ
И благородныхъ думъ, поникнешь головою
Въ уныньѣ и тоскѣ — повѣрь, что если тутъ
Слова поэта вдругъ въ умѣ твоемъ пройдутъ,
И ты, внимая имъ, душой своей живою
На нихъ откликнешься, то чище и теплѣй
Жизнь явится тебѣ хотя бы на мгновенья,
И вѣра въ лучшее печальныя сомнѣнья
Развѣетъ, разнесетъ...

О, милый мой, жалѣй
Всѣхъ тѣхъ, кто, жизнь свою влача въ оковахъ прозы,
Не можетъ чувствовать всей мощи вѣщихъ словъ
И видитъ въ нихъ лишь бредъ ребяческихъ головъ
И сердца празднаго несбыточныя грезы...

IV.

(Въ день рожденія).

Другъ мой маленькій, растешь
Ты въ нерадостное время:
Стало портиться совсѣмъ
Человѣческое племя;

Всякій только о своей
Личной выгодѣ хлопочетъ;
О сокровищахъ души
Рѣдко кто подумать хочетъ;

Забываютъ жизни цѣль,
Намъ указанную Богомъ:
Трудъ для блага всѣхъ людей,
Попеченье объ убогомъ

И страдающемъ, борьбу
Съ кривдой, злобою и ложью,
Принесенье высшихъ жертвъ
За добро и правду Божью.

Ты, мой другъ, имѣешь все
На своемъ порогѣ жизни,
Чтобъ готовиться служить
Братьямъ-людямъ и отчизнѣ.

Умъ, способности тебѣ
Щедро посланы судьбою;
Въ обстановкѣ ты живешь
Благотворной: предъ тобою

Твой отецъ, всегда прямой,
Дѣльный, умный, благородный,
Мать, носящая въ душѣ,
Подъ наружностью холодной,

Чувство строгой правоты,
Жалость къ истиннымъ несчастьямъ
И страданьямъ. Подлѣ нихъ,
Съ теплымъ дружескимъ участьемъ

Обращаются къ тебѣ
Люди мысли, люди дѣла.
Чтобъ здоровье сохранить
И души твоей, и тѣла,

Не жалѣются труды,
Жертвы, нѣжныя заботы;
Неустаненъ ходъ твоей
Воспитательной работы.

Пусть же небо, милый мой,
Подаетъ тебѣ съ годами
Силу сердца и ума,
Чтобы, пользуясь плодами

Столькихъ благостныхъ сѣмянъ,
Исполнялъ свое призванье
Ты, какъ честный человѣкъ,
И твое существованье

Упрекнуть никто не могъ
Въ себялюбіи безмѣрномъ,
Безполезной пустотѣ,
Криводушьи лицемѣрномъ.

Пусть живетъ въ тебѣ всегда,
Какъ незримый добрый геній,
То, чѣмъ чуденъ человѣкъ,
Чѣмъ онъ выше всѣхъ твореній,

Чѣмъ онъ равенъ Божеству,
И чего не сокрушила
И вовѣкъ не сокрушитъ
Никакая вражья сила.

Василекъ.

Бретонская легенда. Изъ стихотвореній Коппе.

Давно, давно, на Рейнѣ жилъ баронъ,
Несмѣтными богатствами владѣвшій,
Но скупости жестокой; за нее
Его кляли и слуги, и вассалы,
И весь народъ. Когда-то у него
Была жена, изъ рукъ которой щедро
Лились дары на бѣдныхъ, и больныхъ,
И страждущихъ. Но ангелы недолго
Гостятъ у насъ: ихъ Богъ даетъ взаймы
На нѣсколько прекрасныхъ дней — и снова
Беретъ къ себѣ... Баронова жена
Оставила послѣ себя однако
Свидѣтеля своихъ прекрасныхъ дѣлъ
И яркое о нихъ воспоминанье —
Ребенка-дочь. Теперь ужъ Васильку —

Такъ прозвали красавицу — минуло
Пятнадцать лѣтъ, и молодость ея,
Какъ маленькій колибри, залетѣвшій
Въ гнѣздо совы, вносила свѣтъ и жизнь
Въ холодное и мрачное жилище.

Старикъ-баронъ, пока была жива
Его жена, себя еще немного
Удерживалъ; а умерла — онъ сталъ
Еще мрачнѣй, еще жестокосердѣй,
И каждый день съ разсвѣтомъ уѣзжалъ
Въ дремучій лѣсъ, въ сопровожденьи только
Конюшаго, на соколиный ловъ.

Дочь-Василекъ, любя отца, не смѣла
Его винить; но очень грустны ей
Казались дни въ стѣнахъ суровыхъ замка
Пустыннаго, гдѣ даже въ Рождество
Ничья рука огня не разводила.
По временамъ, чтобъ коротать часы,
Она себѣ выкраивала платье
Изъ выцвѣтшихъ матерчатыхъ кусковъ,
Въ которые рядилась баронесса
Въ былые дни — затѣмъ, что не давалъ
Скупой отецъ бѣдняжкѣ ни копѣйки
На туалетъ. Онъ даже, вопреки
Торжественнымъ обѣтамъ при кончинѣ
Своей жены, въ храмъ Божій пересталъ
Совсѣмъ ходить, увѣренный, что встрѣтитъ
На паперти страшилище свое —
Пять-шесть калѣкъ, просящихъ подаянья...

А Василекъ ихъ тоже не могла
Ничѣмъ дарить, въ глаза не видя даже

Монеточки малѣйшей... И у ней
Такъ тяжело на сердцѣ становилось,
И вздохъ такой болѣзненный летѣлъ
На небеса, когда ей предстояло
Передъ рукой простертою пройти —
И ничего не положить въ ту руку!..
Особенно по воскресеньямъ. Тутъ,
На всемъ пути изъ церкви въ старый замокъ,
Встрѣчались съ ней, бѣжали вслѣдъ за ней
Лишь старики, да женщины съ грудными
Младенцами, да бѣдные слѣпцы,
Увѣчные, калѣки. И кричало
Все это ей о болѣстяхъ своихъ,
О нищетѣ... Старухи присѣдали
Предъ барышней, ребята поцѣлуй
Ей дѣлали ручонкой — и бѣдняжка,
На языкѣ своемъ не находя
Отказа словъ, поспѣшно проходила,
Потупивъ взоръ, краснѣя отъ стыда,
И дома ужъ давала волю горькимъ
Своимъ слезамъ...

Въ одинъ изъ дней такихъ,
Красавица — то было время жатвы —
Увидѣла, изъ церкви выходя,
На паперти такъ много всякихъ нищихъ,
И все такихъ истерзанныхъ, больныхъ,
Пришибленныхъ, что не хватило духу
У Василька — не только мимо ихъ
Направиться, но даже взглядъ ихъ встрѣтить.
И вспомнила она, что выходъ есть
Еще одинъ — калитка прямо въ поле
Изъ ризницы.

Смущенная, въ слезахъ,
Она уже порогъ переступила
И двинулась по новому пути,
Когда предъ ней явилась вдругъ старушка,
Въ холстинковомъ нарядѣ, въ башмакахъ
Изъ дерева и въ чепчикѣ высокомъ
Прабабушекъ, рукою опершись
На посошокъ.

— Дитя мое, — сказала
Привѣтно незнакомка — воротись
На прежній путь, и что̀ бы ни попалось
Тебѣ на немъ, все нищимъ подавай,
Не совѣстясь. Даянья, вѣрь мнѣ, краситъ
Не самый даръ, а ласка, доброта,
Съ какой даютъ; радушнымъ, нѣжнымъ словомъ,
Участливой улыбкой много золъ
Смягчаемъ мы и много осушаемъ
Горючихъ слезъ. Преодолѣй свой стыдъ —
И не одно благословенье бѣдныхъ
Услышишь ты.

Старушкѣ Василекъ,
Понявшая тотчасъ же, что предъ нею
Волшебница, отвѣтила, присѣвъ
Почтительно, что пренебречь такими
Хорошими совѣтами грѣшно,
И повернувъ, обычною дорогой
Пошла домой. Тѣмъ временемъ, уже
Всѣ нищіе и остальные люди
Поразбрелись — и Василекъ была
Совсѣмъ одна...

Съ какой-то безотчетной
И сладкою надеждой, на ходу

Она цвѣты степные собирала
Въ большой букетъ — когда на встрѣчу ей
Направилась смиренно, боязливо
И вся въ слезахъ, крестьянка, до того
Сидѣвшая на камнѣ у дороги.

— Ахъ, барышня-красавица! — она
Промолвила, протягивая руку —
Вы сжалитесь надъ бѣдною вдовой!..
Уже давно я въ жатвенную пору
Питаюсь тѣмъ, что собираю хлѣбъ,
Какой въ поляхъ несжатымъ побросаютъ
Баронскіе вассалы... Нынче жъ я
Была больна — и вотъ сюда добралась
Послѣднею, когда ужъ въ полѣ нѣтъ
Ни зернышка... Подайте, ради Бога,
Хоть что нибудь!..

— Увы! — ей Василекъ
Отвѣтила — ни гроша не имѣю
Я въ сумочкѣ; но вотъ вамъ мой букетъ,
И добраго навѣрно человѣка
Найдете вы, который за него
Поможетъ вамъ.

Съ печальнымъ недовѣрьемъ
Крестьянка улыбнулась; но взяла
Убогій даръ, — и вдругъ букетъ — о, чудо
Волшебное! — громаднымъ сталъ снопомъ
Чудеснѣйшихъ колосьевъ, заблестѣвшихъ,
Какъ золото, на солнышкѣ... Вдова,
Оторопѣвъ отъ изумленья, счастья,
Дрожащими руками въ фартукъ свой
Сбираетъ хлѣбъ, а Василекъ, понявши,

Что это все, конечно, дѣло рукъ
Волшебницы, и радостью сіяя,
Спѣшитъ впередъ лѣсною чащей.

Здѣсь
Она опять изъ полевыхъ цвѣточковъ
Плела вѣнокъ, въ мечтанья погрузясь
О матушкѣ-покойницѣ, о доброй
Волшебницѣ, о чудѣ, передъ ней
Свершившемся — и видитъ: бѣдный мальчикъ,
Весь въ рубищѣ, испуганно дрожа,
Стоитъ въ кустахъ...

И шепчетъ онъ чуть слышно:
— Ахъ, барышня-красавица! Съ зимы
Я сирота... Остался только съ бабкой
Старухою... Работалъ бы — никто
Не хочетъ брать: «ужь больно малъ ты» всюду
Мнѣ говорятъ... И бабушка моя
Теперь лежитъ больная и безъ хлѣба,
Въ разрушенной избушкѣ...

— У меня
Нѣтъ ничего, — сироткѣ отвѣчала
Красавица — но вотъ тебѣ вѣнокъ —
Отдай его тому, кто вамъ поможетъ.—
Ребенокъ взялъ — и вдругъ въ его рукахъ
Огромный хлѣбъ, горячій, сдобный, мягкій,
Ну, просто объядѣнье!.. Мальчикъ весь
Ошеломленъ, а Василекъ скорѣе
Опять впередъ и, видя на пути
Кустъ чудныхъ розъ, одну изъ нихъ срываетъ
Себѣ въ нарядъ...

Чрезъ нѣсколько минутъ
Вновь встрѣча ей: подъ деревомъ, на камнѣ
Сидитъ солдатъ, на саблю опершись,
Измученный, страдающій, съ повязкой
На головѣ, и сквозь нее порой
Сочится кровь... Онъ раненъ и плетется
Съ войны домой...

И говоритъ старикъ:
— Ахъ, барышня-красавица! Былъ длиненъ
Мой переходъ... Я до смерти усталъ,
А путь далекъ... Стаканъ вина, я знаю,
Вновь на ноги поставилъ бы... Но пустъ
Кувшинчикъ мой. Коли бъ его наполнить
Вы сбѣгали въ сосѣднее село —
Трудъ не великъ! — за васъ бы помолился
Старикъ-солдатъ...

— Сейчасъ же побѣгу;
Но до села далеко... вы, пожалуй,
Соскучитесь — такъ вотъ товарищъ вамъ!»

И воину даетъ малютка розу.
Съ улыбкой онъ цвѣтокъ роскошный взялъ
Мозолистой и черною рукою;
Но въ тотъ же мигъ не роза передъ нимъ,
А влагою янтарной, искрометной
Наполненная чаша!..

Въ этотъ день
Подобныхъ встрѣчъ ужъ не случилось больше
У Василька. — Но диво ль, что молва
Стоустая тотчасъ же протрубила
О чудесахъ и что узналъ о нихъ

Старикъ-баронъ?.. Съ охоты возвратившись,
Вассаловъ всѣхъ засталъ онъ въ сборѣ здѣсь,
И всѣ ему съ волненіемъ спѣшили
Поразсказать о чудѣ со снопомъ,
И съ чашею, и съ булкой... Сомнѣваться
Не можетъ онъ: не сказка это, нѣтъ —
Всѣ говорятъ... И скаредная жадность
Взыграла въ немъ... Убогій ужинъ свой
Кой-какъ доѣвъ и съ дочерью оставшись
Наединѣ, онъ ласково ее
Привлекъ къ себѣ и началъ:

— Поздравляю,
Голубчикъ мой: какъ видно, родилась
Въ сорочкѣ ты. Извѣстно мнѣ, какою
Чудесною способностью тебя
Волшебница сегодня наградила,
И хочется мнѣ въ этомъ самому
Увѣриться: какой нибудь подарокъ
Ты сдѣлай мнѣ, и мы увидимъ, чѣмъ
Въ моей рукѣ онъ станетъ.

Испугалась
Дочь этихъ словъ.

— Отецъ мой, — говоритъ —
Не гнѣвайтесь... но, право, это дѣло
Опасное: чудесный даръ мнѣ данъ
Лишь для того, чтобъ помогать несчастнымъ,
Отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ пополнять добро
Фамильное...

— Пустыя возраженья!
Ребячество! Вѣдь только испытать
Хотѣлъ бы я... Вотъ у тебя на шеѣ

Свинцовая медалька — дай ее.
Тутъ худшее, чѣмъ мы съ тобой рискуемъ —
Что все-таки останется она
Такою же ничтожною вещицей.
Но ежели вдругъ выйдетъ изъ нея
Какой нибудь уборецъ полновѣсный
Изъ золота, коли еще притомъ
И съ цѣнными камнями — значитъ, сила
Твоихъ чудесъ пригодна можетъ быть
И намъ съ тобой...

Боясь перечить дольше,
Свинцовую медальку Василекъ
Даетъ ему; но въ ту жъ минуту вскрикнулъ
Отъ ужаса корыстный скряга: онъ
Держалъ въ рукѣ чудовищную жабу,
Поганую и злющую; впилась
Она въ него, какъ пьявка-кровопійца,
И умеръ бы отъ страха въ битвѣ съ ней
Сѣдой глупецъ, когда бъ не поспѣшила
На помощь дочь: въ ея рукѣ опять
Чудовище вещицей прежней стало.

Задумался надъ этимъ всѣмъ баронъ —
И Васильку на утро далъ въ подарокъ
Наполненный монетой кошелекъ.

Но чудеса красавицы на этомъ
Не кончились, и сохранился въ ней
Волшебный даръ: по воскресеньямъ, въ церкви,
Копѣечка изъ рукъ ея тотчасъ
Серебряной монетой становилась,
Изъ серебра червонецъ выходилъ,
А золото въ брильянтъ преображалось...

И по свѣту широко разнеслась
Молва о ней, о добромъ, миломъ сердцѣ
Красавицы. Провѣдалъ это все
И государь, и захотѣлъ въ невѣстки
Ее себѣ. Отправилъ онъ сперва
Своихъ пословъ, а тамъ и самолично,
Съ наслѣдникомъ своимъ, къ барону въ домъ
Пожаловалъ. Женихъ, мужчина бравый,
Понравился тотчасъ же Васильку—
И свадебку сыграли имъ такую
Веселую и пышную, что вотъ
Ужъ сколько лѣтъ и сотень лѣтъ минуло
Отъ той поры, а въ тамошнемъ краю
Еще теперь текутъ у многихъ слюнки
При росказняхъ о свадьбѣ Василька.

Къ моей матери.

Изъ стихотвореній Гейне.

I.

Я голову привыкъ носить высоко,
Мой нравъ упрямъ, горда душа моя,
И пусть хоть царь въ меня вперилъ бы око,
Предъ нимъ лица не преклонилъ бы я.

Но, мать моя, — скажу я, не скрывая —
Какъ я ни гордъ, упрямъ, неукротимъ —
Передъ тобой такъ часто, дорогая,
Я трепетомъ священнымъ одержимъ!

То духъ ли твой таинственно смиряетъ
Мой гордый нравъ — тотъ духъ высокій твой,
Что̀ въ глубь вещей такъ смѣло проникаетъ
И въ высь летитъ, какъ молнія живой?

Иль я дрожу, все то припоминая,
Чѣмъ столько разъ уныніе и мракъ
Я поселялъ въ твоей душѣ, родная —
Святой душѣ, меня любившей такъ!

II.

Въ больномъ бреду разстался я съ тобою:
Хотѣлось мнѣ всю землю обойти,
Хотѣлось мнѣ на ней любовь найти
И той любви отдаться всей душою.

За нею я вездѣ, вездѣ ходилъ,
У всѣхъ дверей стучался я въ печали
И крохъ любви, какъ нищій, я просилъ —
Но ненависть, смѣясь, мнѣ подавали.

И все я шелъ, ища любви одной,
Ища вездѣ, нигдѣ не обрѣтая...
И наконецъ, домой, къ тебѣ, родная,
Вернулся я, печальный и больной.

И вышла ты на встрѣчу мнѣ; и ясно
Въ твоихъ глазахъ нашелъ я, мать моя,
Всю ту любовь, которой жаждалъ я
И все искалъ такъ долго и напрасно!

Послѣ кораблекрушенія.

Разсказъ Фр. Коппе.

Предъ старымъ кабакомъ на берегу рѣки,
Сося свой чубучокъ и угощаясь джиномъ,
Морякъ Денисъ Реми, храбрецъ, одной руки
Лишившійся давно въ бою подъ Навариномъ,
Любилъ по вечерамъ матросамъ молодымъ
Разсказывать свои былыя приключенья.

— Да, дѣтушки мои, — разъ говорилъ онъ имъ —
Третьяго дня пошелъ отъ моего вступленья
На палубу судна шестидесятый годъ.
До той поры уже я всяческихъ невзгодъ
Не мало вытерпѣлъ. Мой дядя пьянъ былъ вѣчно
И часто сироту лупилъ безчеловѣчно,
Не зная самъ, за что. Но во сто разъ скверпѣй
Еще мнѣ стало жить, когда опредѣлился
Я въ юнги на корабль; вотъ тутъ-то научился

Я мучиться, терпѣть и прятать отъ людей
Всѣ горести свои...

Корабль нашъ велъ торговлю
Въ ту пору неграми, и ѣздилъ онъ на ловлю
Изо страны въ страну. Нашъ капитанъ держалъ
Свой экипажъ въ рукахъ нельзя сказать, чтобъ кротко:
Чуть что не по сердцу — пошла работать плетка,
А отколоченный сейчасъ же вымещалъ
Всю боль свою на мнѣ. Оно и натурально:
Мальчишка-новичокъ!.. И мыкалъ горе я
Средь вѣчной ругани и вѣчнаго битья!
Въ ту пору думали, что нужно досканально
Ребенка колотить, чтобъ вышелъ изъ него
Морякъ, какъ слѣдуетъ...

Мученья своего
Я имъ не выдавалъ ни крикомъ, ни слезою,
И вѣрно бы пропалъ, когда бы надо мною
Не сжалился Господь. Онъ — въ Бога вѣдь мы всѣ,
Вы сами знаете, сердечно вѣримъ въ морѣ —
Онъ утѣшеніе послалъ мнѣ въ лютомъ горѣ:
Межъ этихъ злыхъ людей нашелъ я въ добромъ псѣ
Себѣ пріятеля. Матросы обращались
Съ нимъ также, какъ со мной — и скоро привязались
Другъ къ другу нѣжно мы. Мой славный Блэкъ весь день
За другомъ маленькимъ ходилъ вездѣ, какъ тѣнь.
А въ тѣ часы, когда на небо высыпали
Мильоны яркихъ звѣздъ, и только рулевой,
Да двое вахтенныхъ на кораблѣ не спали,
Я, въ темный уголокъ прижавшись головой
Къ любимцу своему, обнявши нѣжно шею
Его мохнатую, дѣлился съ нимъ моею
Печалью тяжкою, и горько плакалъ я,

И Блэкъ мой понималъ всѣ эти злыя муки,
И толстымъ языкомъ лице мое и руки
Привѣтливо лизалъ... Ахъ, тѣхъ часовъ, друзья,
Мнѣ вѣчно не забыть!..

Недѣли двѣ сначала
Мы плыли счастливо и по̀ вѣтру... Но разъ,
Когда съ утра жара жестокая стояла,
Нашъ старый капитанъ, прищуря зоркій глазъ —
Хоть лютъ у насъ онъ былъ, а моряку любому
Ни въ чемъ не уступалъ — вдругъ крикнулъ рулевому:
— Эй, глянь-ка, облачко какое къ намъ идетъ!
Вотъ гость непрошенный!

— Да, — отвѣчаетъ тотъ —
Какъ сажа черное и мчится какъ проворно!

— Ну, что жъ, мы примемъ васъ, какъ слѣдуетъ; покорно
Прошу пожаловать! Бомъ-брамсель убирай!
Бомъ-кливеръ стягивай!.. Эй, черти, не зѣвай!..

И все, что̀ было рукъ, все принялось за дѣло...
Но что̀ подѣлаешь, когда корабль совсѣмъ
Дырявъ отъ старости?..

А буря между тѣмъ
Пошла разгуливать. Насъ било, насъ вертѣло,
Какъ щепку, вверхъ и внизъ кидало по волнамъ.
Мы все работали... Но скоро стало намъ
Уже не въ моготу: трюмъ залило водою.
Ну, послѣ этого конечно не до бою
Съ волнами лютыми; спастись бы кое-какъ!
И вотъ, мы, вымокши, хоть выжимай, какъ губку,
Уставши до смерти, для спуска въ море шлюпку
Готовить принялись. Вдругъ — дьявольское кракъ!

И палуба въ куски! Корабль сталъ опускаться...
Не дай Богъ этакимъ манеромъ искупаться!..

Не знаю, отчего передо мною въ тѣ
Минуты страшныя, когда мы очутились
Впервые подъ водой, въ могильной темнотѣ,
Всѣ дни прошедшіе живыми появились.
Деревню-родину, и старую избу,
И мертваго отца, и матушку въ гробу,
Сиротство горькое, работу не подъ силу —
Все, все увидѣлъ я...

Вдругъ — въ уши, въ ротъ вода
Мнѣ хлынула. Еще бъ минута — и въ могилу
Подводную нырнуть пришлось бы навсегда,
Когда бъ не славный песъ. Онъ за воротъ зубами
Схватилъ пріятеля. Тутъ въ двухъ шагахъ отъ насъ
И шлюпка плавала — ее одну Богъ спасъ.
Блэкъ дотащилъ меня; за бортъ схватясь руками,
Я прыгнулъ, онъ за мной — и вотъ на этомъ всемъ
Безбрежномъ и глухомъ просторѣ океана,
Въ ничтожной лодочкѣ, при воѣ урагана,
Остались лишь дитя съ собакою вдвоемъ!

Я былъ уже тогда неробкаго десятка.
Но признаюсь, когда затихнула гроза,
И обсудилъ я все — забила лихорадка:
Я понялъ, что земли не видѣть мнѣ въ глаза,
Коли не встрѣтитъ насъ, по благодати неба,
Какой нибудь корабль. Должно быть, для того
Судьба спасла меня и Блэка моего,
Чтобъ голодомъ убить: хотя бы ломтикъ хлѣба,
Хотя бъ одинъ сухарь остался у меня,
Хотя бъ глотокъ воды!..

Три безконечныхъ дня,
Три ночи долгія насъ по волнамъ качало,
И каждый новый часъ все больше пропадала
Надежда робкая... Въ отчаяньи нѣмомъ
И злаго голода ужъ ощущая муки,
Глазъ на глазъ съ добрымъ псомъ, мои лизавшимъ руки,
Я жадно въ даль глядѣлъ — глядѣлъ и подъ огнемъ
Полуденныхъ лучей, и въ тьмѣ холодной ночи,
И ясно чувствовалъ, что скоро, скоро мочи
Не хватитъ мнѣ терпѣть...

На третьи сутки вдругъ
Замѣтилъ я, что Блэкъ глядитъ не то тоскливо,
Не то растерянно, и прячется пугливо
Подъ лавку. Я къ нему: «Блэкъ! Что съ тобою, другъ?
Поди ко мнѣ!» Но онъ, съ ворчаньемъ страшной злобы
Все пятится назадъ и за руку меня
Сбирается схватить; я, руку отстраня
Съ невольнымъ трепетомъ, не понимая, что̀ бы
Все это значило, тревожно жду — и вотъ
Увидѣлъ съ ужасомъ: Блэкъ дерево грызетъ,
И пѣна струйкою съ губы его скатилась.
Все ясно стало мнѣ: собака, какъ и я,
Пробывши столько дней безъ пищи, безъ питья,
Не вынесла своихъ страданій — и взбѣсилась!
Да, тотъ, кто спасъ меня, мой другъ, хранитель мой,
Теперь, какъ дикій врагъ, стоялъ передо мной,
Готовый растерзать...

Картина недурная,
Не правда ль, дѣтушки? Въ безбрежной ширинѣ
Дрянная лодочка, и въ ней наединѣ
Съ собакой бѣшеной, ребенокъ, начиная
Въ смертельномъ ужасѣ сходить съ ума и самъ...

Вообразить себѣ предоставляю вамъ,
Коли вы можете, всю дьявольскую штуку...

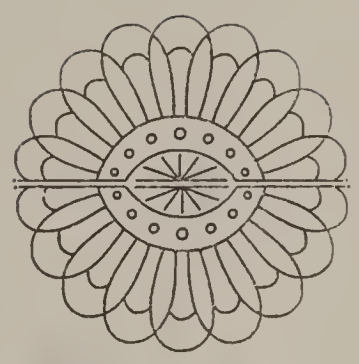
Еще секунды двѣ — и машинально руку
Засунулъ я въ карманъ и, не спуская глазъ
Съ врага нежданнаго, ножъ вытащилъ; какъ разъ
То было во время. Въ порывѣ изступленья
Блэкъ кинулся ко мнѣ. Однимъ прыжкомъ движенье
Я сдѣлалъ въ сторону, за шею ухватилъ
Страдальца бѣднаго и, весь остатокъ силъ
Въ отчаяньи собравъ, колѣномъ на полъ лодки
Успѣлъ его пригнуть, потомъ, межъ тѣмъ, какъ онъ
Неистово хрипѣлъ, я поднялъ ножъ и въ глоткѣ
Три раза повернулъ... Раздался тихій стонъ —
И все окончилось. Въ крови передо мною
Лежалъ, зарѣзанный моею же рукою,
Единственный мой другъ!..

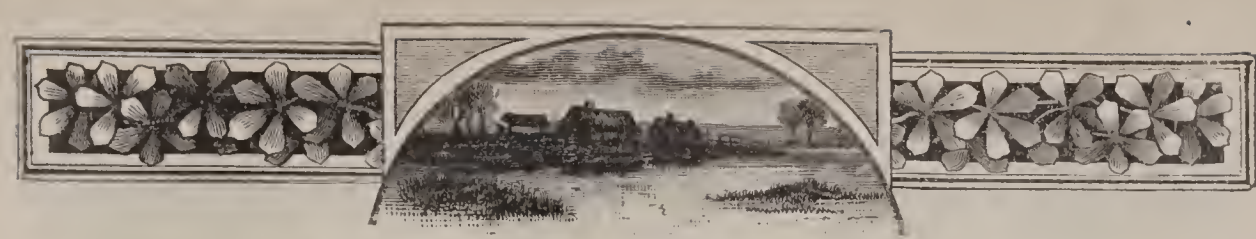
Какъ найденъ тамъ былъ я
Почти что при смерти матросами корвета,
Къ Марсели плывшаго — разспрашивать про это
Напрасно стали бъ вы...

Съ тѣхъ поръ, мои друзья,
Я много убивалъ — у нашего вѣдь брата
Военнаго оно въ привычку входитъ. Разъ
Пришлось разстрѣливать товарища-солдата —
И вслѣдъ затѣмъ всю ночь, не размыкая глазъ,
Спокойно я проспалъ. Въ бою подъ Трафальгаромъ
Рукъ двадцать англійскихъ мой отхватилъ топоръ —
И увѣряю васъ, ни разу я съ тѣхъ поръ
Въ томъ не раскаялся. Въ плѣну лихимъ ударомъ
На мѣстѣ положилъ я пару часовыхъ —

И послѣ этого ужъ никогда о нихъ
Не вспомнилъ... Нынче же, когда о смерти Блэка
Я вамъ поразсказалъ, повѣрьте мнѣ, друзья,
Хоть съ той поры прошло уже почти полвѣка —
Конечно не засну ни на минуту я:
Все будетъ видѣться мнѣ страшная картина,
И въ ужасѣ смотрѣть все буду я кругомъ...
Такъ живо, живо все...

Эй, мальчикъ, рюмку джина!
И потолкуемте о чемъ нибудь другомъ.





Игрушка Великановъ.

Древне-нѣмецкая легенда.

Бургъ Нидекъ есть въ Эльзасѣ; о немъ поютъ былины.
Въ былые годы жили въ томъ бургѣ исполины;
Теперь онъ весь разрушенъ, пустыня вкругъ него,
Изъ грозныхъ великановъ ужъ нѣтъ ни одного.

Разъ дочери владыки гулять пришла охота.
Она съ веселой пѣсней выходитъ за ворота,
Спускается въ долину съ родныхъ своихъ высотъ;
Узнать ей любопытно, кто тамъ, внизу, живетъ.

Лѣсную чащу быстро она пересѣкаетъ,
И вотъ ужъ тамъ, гдѣ племя людское обитаетъ.
Вотъ города, долины, рядъ вспаханныхъ полей —
Такая все новинка, диковинка для ней.

Вдругъ, подъ ноги взглянувши, замѣтила дѣвица —
Крестьянинъ пашетъ поле... Какъ странно копошится
Невиданная крошка! Какъ плугъ его блеститъ!..
Въ восторгѣ великанша и весело кричитъ:

«Вотъ прелесть-то игрушка! возьму ее съ собою!»
И стала на колѣни, и быстрою рукою
Все то, что̀ такъ забавно вертѣлось передъ ней,
Въ платочекъ свой схватила — и ну бѣжать скорѣй.

Шумитъ, поетъ, — натура намъ дѣтская знакома —
Два-три прыжка веселыхъ, и вотъ она ужъ дома.
Кричитъ: «Ахъ, папа, папа, смотри, смотри, съ какой
Чудесною игрушкой вернулась я домой!»

Старикъ, въ столовой сидя, тянулъ вино изъ бочки
И, весело любуясь на радость милой дочки,
Сказалъ: «Ну, ну, какую ты рѣдкость принесла?
Должно быть, точно диво; ты больно весела!»

И дочка осторожно платочекъ раскрываетъ,
Плугъ, лошадь, человѣка оттуда вынимаетъ,
Разставила все это на столикѣ рядкомъ,
И хлопаетъ въ ладоши, и прыгаетъ кругомъ.

Старикъ нахмурилъ брови. «Ахъ, глупая рѣзвушка! —
Промолвилъ онъ серьезно — вѣдь это не игрушка!
Снеси сейчасъ туда же, откуда принесла.
Съ чего ты земледѣльца игрушкою сочла?

«Нѣтъ, дочка, земледѣлецъ, — благой подарокъ неба:
Не будь его на свѣтѣ, сидѣла бъ ты безъ хлѣба!
Изъ крови земледѣльца выходитъ великанъ...
Нѣтъ, нѣтъ, онъ не игрушка! Онъ Богомъ міру данъ!»

Бургъ Нидекъ есть въ Эльзасѣ; о немъ поютъ былины.
Въ былые годы жили въ томъ бургѣ исполины;
Теперь онъ весь разрушенъ; пустыня вкругъ него;
Изъ грозныхъ великановъ ужъ нѣтъ ни одного.

Колыбельная Пѣсня.

Изъ стихотвореній Ады Кристенъ.

Не плачь, хорошій мой!
Милый твой глазенокъ
Блещетъ чистой синевой —
Спи, душа-ребенокъ!

Птичка бѣдная въ лѣсу
Зябнетъ не на шутку;
Я туда не понесу
Моего малютку.

У тебя лицо — цвѣтокъ,
Съ пышной розой сходный,
Но ему пойдетъ не въ прокъ
Дождичекъ холодный.

Ты лежишь въ моихъ рукахъ
Такъ тепло, такъ славно...
Слышишь, вѣтеръ какъ въ вѣтвяхъ
Воетъ своенравно?

Слышишь, съ злобою какой
Буря бьетъ въ окошко?..
Полно плакать, милый мой,
Спи скорѣе, крошка!..

Бабушка-Скалиха.

Шварцвальдская Сказка.

(Переводъ посвященъ Маришѣ Вейнбергъ).

I.

Да, дѣточки, — не чужеземной сказкой
Я васъ займу — не о войнѣ и славныхъ
Воителяхъ поразсказать хочу.
Я разскажу вамъ, дѣти, то, что̀ было
На родинѣ у насъ, что̀ я и самъ,

Когда такимъ же былъ, какъ вы, ребенкомъ,
Съ косичками и въ курточкѣ — слыхалъ
Отъ матушки, а матушка узнала
Отъ бабушки, а бабушкѣ моя
Прабабушка повѣдала. Какъ старый,
Почтенный мохъ навѣки пристаетъ
Къ своей землѣ, такъ старыя преданья
Не оторвешь отъ родины его.
И путнику все кажется, какъ будто
Изъ глубины ущелій, изъ дупла
Древеснаго выходятъ звуки — откликъ
Давно, давно исчезнувшей поры...

Вамъ, дѣтушки, знакомъ утесъ огромный,
Что́ Рокертомъ зовется. Поросла
Деревьями пустыми великана
Суровая верхушка; но когда
Вы на нее взберетесь, подъ ногами
У васъ лежитъ въ долинѣ Эберштейнъ,
Весь залитой сіяньемъ яркимъ солнца,
А вдалекѣ сверкаютъ цѣпи горъ
Порфировыхъ, и Рейнъ-красавецъ вьется
Серебряною лентой...

Тамъ вверху
Пещера есть, и въ ней живетъ старуха —
Скалихою зовутъ ее. Никто
Не вѣдаетъ, когда перебралася
Она сюда; но вотъ что говоритъ
У насъ народъ:

Въ былые дни Скалиха
И молода, и хороша была,
И чтили всѣ ее благоговѣйно,

Какъ высшее созданье. Имя ей
Дѣйствительное — Гольда *); лишь съ годами
Изъ ласковой волшебницы она
Въ суровую старуху обратилась.
Въ былые дни любили всѣ ее —
И на селѣ, и въ замкѣ Эберштейнѣ.
И мудрено ль? Помочь ли, услужить,
Спасти кого — сейчасъ же къ ней: отказу
Никто не зналъ, и если ужъ она
Разсердится, бывало, значитъ — стоитъ
Прогнѣваться... Всѣхъ дикихъ побродягъ,
Разбойниковъ и тунеядцевъ Гольда
Наказывала строго; но за то
Прилежный трудъ, порядокъ, честь и честность
Защитницу усердную всегда
Имѣли въ ней; въ особенномъ почетѣ
Искусство прясть и обработку льна
Волшебница держала. Поселяне,
Сбирая ленъ, ужъ часть его всегда
Въ подарокъ ей на полѣ оставляли.
Она жъ его тотчасъ же подберетъ
И предъ своей пещерою прилежно
Усядется за пряжу... Въ Рождество,
Чуть первый снѣгъ въ долинѣ закружится,
Народъ сейчасъ: «Вотъ принялась ужъ стлать
Постель себѣ Скалиха; видишь — перья
Сюда летятъ... Постелетъ — а потомъ
И въ гости къ намъ...»

И какъ все оживлялось,
Когда она, дѣйствительно сойдя
Съ своей горы, появится въ долинѣ

*) *Гольда* значитъ по нѣмецки кроткая, ласковая (Holde); Гольда былъ однимъ изъ второстепенныхъ божествъ германской миѳологіи.

И принесетъ подарки за труды
Прилежные, начнетъ отъ пряхи къ пряхѣ
Переходить и подбивать къ работѣ
Привѣтливою рѣчью: «Ну, живѣй,
Разумницы-голубушки! Вѣдь надо
Намъ до поста покончить все. Живѣй!
А кто лѣнивъ, на томъ сожгу я платье—
Ужъ пусть потомъ пеняетъ на себя!»

И трудъ кипитъ: жужжатъ, гудятъ колеса,
Снуютъ рѣзвò и шумно челноки,
И тянутся легко и стройно нити,
И весело несется пѣсня пряхъ...

II.

Въ тѣ времена, въ прислугѣ Эберштейнской
Жилъ молодой садовникъ и жила
Работница-Амалія. Такая
Хорошенькая пара! Онъ ее,
Она его — любили нѣжно, нѣжно.
Онъ убиралъ суровый Эберштейнъ
Душистыми, роскошными цвѣтами
И ловкою, прилежною рукой
Воздѣлывалъ богатый виноградникъ;
Она весь день съ подругами пряла
На барыню...

Тому, кто нынче всходитъ
На башню Эберштейнскую и внизъ
Съ нея глядитъ на милую долину
Съ душистыми деревьями ея,
Съ ея рѣкой, такъ тихо, безмятежно
Струящейся межъ береговъ родныхъ —
Тому легко, привольно; съ наслажденьемъ
Онъ думаетъ: «Здѣсь счастье и покой!
Давно прошли тѣ злые, злые годы,
Когда лишь гнѣвъ съ жестокостью царилъ
Средь прелестей природы благодатной!»

Да, та пора была иная. Фогтъ *),
Крутой и злой, въ то время правилъ замкомъ.

---

*) Фогтъ — правитель.

Онъ дѣвушекъ и женщинъ заставлялъ
И день, и ночь сидѣть за прялкой, или
Надъ пяльцами; а за тяжелый трудъ
Ихъ голодомъ морилъ. Не даромъ пѣсня
У насъ въ селѣ сложилась про него:

«Подруженьки-голубушки! Всѣ люди спятъ давно,
И только въ нашей дѣвичьей жужжитъ веретено.
Рука совсѣмъ умаялась, дремота такъ и гнетъ —
А ты пряди безъ отдыха: пожалуй, фогтъ войдетъ!

«Охъ, этотъ фогтъ! Безжалостнѣй нѣтъ въ мірѣ никого!
Мы сущія диковинки готовимъ для него;
Не будь Скалиха добрая — не справиться бъ вовѣкъ,
А онъ все только сердится, жестокій человѣкъ!»

Амалія была дочь крѣпостныхъ,
И потому распоряжался ею
Фогтъ, какъ хотѣлъ. Когда же у него
Согласія на свадьбу попросила
Красавица — насмѣшливо и зло
Онъ отвѣчалъ: «Изволь, изволь; немножко
Лишь подожди: до дождика въ четвергъ».

Такъ годъ прошелъ. И снова съ просьбой къ фогту
Амалія явилась съ женихомъ.
Онъ покраснѣлъ отъ злости — и бѣдняжкѣ
Велѣлъ идти вслѣдъ за собой на холмъ,
Откуда видъ въ долину открывался.
Тутъ рыжую бородку и усы
Погладилъ онъ и такъ сказалъ:

—Ты видишь
Вонъ тамъ, внизу, кладбище — и на немъ
Убогую могилу? Въ ней заснули

Послѣднимъ сномъ родители твои.
Они у *насъ* до самой смерти были
Слугами крѣпостными; *мы* могли
Ихъ продавать; для *насъ* они ходили
На барщину. Ты — ихъ дитя, и намъ
Ты, какъ они, принадлежишь навѣки.
Смотри, смотри... пожалуй, и поплачь;
Я не взыщу. Отецъ и мать — не шутка!..
Могила вся, ты видишь, поросла
Крапивою... Конечно, въ розахъ было бъ
Красивѣе — да я тутъ ни при чемъ...
Послушай-ка, однако: если хочешь
Прилежно потрудиться, можешь ты
Сама себѣ свое составить счастье.
Вотъ дѣло въ чемъ. Спряди мнѣ изъ цвѣтовъ
Крапивы той диковинную штуку:
Крапивы цвѣтъ — и бѣлъ, и красенъ; ну,
Коль для меня соткать камзолъ изъ бѣлой
Съумѣешь ты, пожалуй, тки себѣ
Вѣнчальную рубашечку изъ красной.
Не спорю я: работа мудрена;
Крапиву прясть — не легкая задача,
Надъ ней не разъ поплачешь горько ты;
Ну, да за то и щедрая награда!
До тѣхъ же поръ останется у насъ
По старому: садовникъ пусть копаетъ
Въ своемъ саду, а ты — ты на господъ,
По прежнему, и день, и ночь работай!»

Такъ фогтъ сказалъ и, съ злобною своей
Усмѣшкою на бѣдную могилу
Вновь указавъ, къ хоромамъ дорогимъ
Направился своимъ павлиньимъ шагомъ.

III.

Когда печаль гнетущая сожметъ
Грудь сироты — что̀ остается бѣдной,
Какъ не пойти къ могилѣ той, гдѣ спитъ
Родная мать, и надъ священнымъ прахомъ
Съ молитвою склониться, и ему
Повѣдать все? Бесѣда съ милымъ сердцемъ,
Любившимъ насъ и понимавшимъ насъ,
И понимать, любить не переставшимъ
Тамъ, подъ землей, ложится, какъ бальзамъ
Цѣлительный, на раны, что̀ наноситъ
Жестокая язвительность судьбы.
Тяжелый гнетъ житейскихъ мукъ спадаетъ
Съ больной души, и жадно просимъ мы
Себѣ того блаженнаго покоя,
Которымъ спятъ почившіе въ землѣ...

Какая тишь, какая неподвижность
На кладбищѣ! Лишь мотыльки порой,
Испуганно смущенные шагами
Амаліи, срываются съ цвѣтовъ
И въ солнечномъ сіяньи пропадаютъ...
Вотъ и она, могила... Грубый крестъ
Стоитъ на ней; по немъ змѣею вьется
Зеленый плющъ, а далеко вокругъ,
Пурпурными и бѣлыми цвѣтами
Красуется крапива...

И къ землѣ
Красавица съ рыданьями припала:

«Матушка, родная,
Добрая моя!
Свѣтлыя надежды
Потеряла я!
Солнце закатилось,
Всюду злая ночь...
Матушка, ты слышишь
Сиротинку дочь?»

И долго такъ стояла на колѣняхъ
Несчастная. Ужъ звѣздочки зажглись
На небесахъ, уже цвѣты ночные
Раскрылись и запахли — а она
Все плакала... Вдругъ, слышитъ — кто-то нѣжно
Ея кудрей коснулся. То была
Волшебница-Скалиха. Съ тихой лаской
Она съ земли сиротку подняла
И голосомъ привѣтливымъ спросила:
О чемъ печаль? — Когда жъ Амалья все
Сказала ей — старушка поблѣднѣла,
И засверкалъ огнемъ зловѣщимъ взоръ,
И все мрачнѣй, мрачнѣе становилось
Ея лицо. Дрожащею рукой
Она съ могилъ сорвала всю крапиву,
Связала въ пукъ и подняла его
Съ угрозою по направленью къ замку,
И крикнула: «Ну, милая, не плачь,
Ступай домой. Мудреную работу
Я сдѣлаю».

И стала вдругъ она
Рости, рости... Померкли звѣзды... Воздухъ
Весь задрожалъ, какъ будто подъ грозой.
И въ глубинѣ ущелій неприступныхъ
Исчезнула старуха-великанъ...

IV.

Рога трубятъ. Имъ вторятъ лай собачій
И крикъ псарей. Высокородный фогтъ
Выходитъ на охоту. Онъ въ кафтанѣ
Изъ бархата, на головѣ картузъ
Съ опушкою собольей, за спиною
Большой колчанъ, въ рукѣ надежный лукъ.
Вокругъ него почтительно толпятся
Охотники. Вотъ кони поданы...
Гали-Гало! Бездонные овраги,
Утесы вѣковые, крутизны —
Все ни по чемъ! Привычныя копыта
Съ опаснаго пути не соскользнутъ,
Привычная рука не промахнется.
Вотъ захрипѣлъ щетинистый кабанъ,
Вотъ падаетъ съ печальнымъ стономъ серна...
Гали-Гало! Нѣтъ спуска никому!
Впередъ, впередъ!..

И вотъ они взобрались
На Рокерта верхушку. Здѣсь отбой:
Пора поѣсть и отдохнуть немного...
Но отчего вдругъ наши удальцы
Смутились такъ? Что́ это испугало
Не знающихъ испуга?

На скалѣ,
Передъ своей пещерою, старуха
За прялкою сидѣла и, прядя,
Какую-то таинственную пѣсню
Мурлыкала сурово...

Гордый фогтъ
Къ ней подошелъ:

— Что это ты прядешь,
Почтенная? Вѣнчальную рубашку,
Какъ кажется? На старости-то лѣтъ!
Да и въ какомъ мѣстечкѣ! Тамъ, гдѣ совы
Съ лисицами компанію ведутъ...
Ну, говори?

Скалиха отвѣчаетъ:
— Да, точно такъ, высокородный фогтъ,
Ты угадалъ: вѣнчальную рубашку
Я здѣсь пряду и — саванъ.

— Вотъ что! Ну,
Твой ленъ хорошъ, да только недостатокъ
Въ немъ есть одинъ: ты, матушка, его
Подтибрила на барскомъ полѣ. Правда?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Не тамъ мой выросъ ленъ.
Онъ на другомъ, хорошемъ мѣстѣ выросъ:
Я думаю, Готфрида-старика,
Съ его женой — двухъ горемыкъ несчастныхъ —
Вы помните, высокородный фогтъ?
Ну, этотъ ленъ взяла я съ ихъ могилы...

И стала вновь она рости, рости...
И бурный вихрь изъ глубины пещеры
Неистово рванулся... Дико псы
Залаяли, завыли, будто въ травлю
На пряху собирались — а она
Приподнялась и точно тѣнь исчезла.

Задумчиво поѣхалъ фогтъ домой.
Оставлена нетронутой закуска
Роскошная: не до ѣды ему.
Колдуньины слова засѣли въ совѣсть,
Какъ острый ножъ. «Еще вѣдь время есть.
Остановись!» ему шептала совѣсть.
Но злобная надменность громко съ ней
Заспорила. Онъ долго колебался —
И все-таки къ рѣшенью не пришелъ.

V.

Какъ многіе, когда ихъ разбираетъ
Досадное сомнѣніе, спѣшатъ
Найти себѣ въ винѣ совѣтъ и мудрость,
Такъ гордый фогтъ сталъ развлекать себя
И прогонять назойливую совѣсть
Пирушками въ пріятельскомъ кружкѣ.

А на лозахъ несмѣтныхъ Эберштейна —
Чудесныя утѣхи: красный сокъ
Горитъ огнемъ и какъ карбункулъ блещетъ
Въ граненомъ хрусталѣ. Еще теперь
Находитъ въ немъ изнеможенный путникъ
Живительную силу — и, садясь
Для отдыха у замка, осушаетъ
Признательно и радостно стаканъ
За здравіе хозяина, а вмѣстѣ —
И за свое...

Съ друзьями, за столомъ
Сидѣлъ нашъ фогтъ. Полуденное солнце
Врывалося всѣмъ золотомъ лучей
Въ высокій залъ и весело играло
На хрусталѣ кувшиновъ, кружекъ, стопъ.
Кутежъ горой. Вдругъ кто-то стукнулъ въ двери
Дубовыя... Кто это? Гости всѣ
Вѣдь на лице... Дверь отворилась... Можно ль
Изобразить словами радость ту,
Блаженство то, которое сіяетъ
Въ глазахъ у человѣка въ мигъ, когда
Въ его душѣ, измученной борьбою
Съ могильной тьмой отчаянья, взойдетъ

Надежды свѣтъ побѣдоносно ярко?
Амалія предъ фогтомъ. Высоко
Въ своихъ рукахъ она держала ткани
Крапивныя — двѣ рѣдкости. Одна
Бѣла, какъ снѣгъ, нѣжна, какъ пухъ лебяжій,
Съ мудреными рисунками вокругъ,
Какъ слѣдуетъ на боевомъ камзолѣ.
Другая вся красна, и на груди,
На рукавахъ, воротникѣ сверкаютъ
Полоски золотыя...

. . . . . .

Долго такъ
Красавица стояла; не раскрылись
Ея уста, но скромно гордый взглядъ
Все говорилъ — и фогту стало жутко,
Томительно... Однако онъ съумѣлъ
Смущенье скрыть и, подавая кубокъ
Амаліи, промолвилъ:

— Такъ и быть!
Ужъ сказано, что какъ ни будь мужчина
Силенъ, хитеръ, а женщина его
Перехитритъ; вся ваша братья — вѣдьмы.
Я слово далъ — и не возьму назадъ:
Оставь себѣ вѣнчальную рубашку,
И завтра же свободна будешь ты.
И я, я самъ устрою вашу свадьбу
И поднесу хозяйство госпожѣ
Садовницѣ. Но въ церковь не идите
Вы безъ меня: пойду я во главѣ
Всѣхъ поѣзжанъ и твой камзолъ крапивный
Для праздника надѣну; не легко
Прійдется мнѣ, — да что тутъ станешь дѣлать!

VI.

День занялся. Свирѣлей громкій свистъ
И скрипокъ визгъ давно желанный праздникъ
Привѣтствуютъ. На замковомъ дворѣ
Нарядные столпились поѣзжане.
Хорошенькій мальчишка держитъ жезлъ,
Весь въ зелени, цвѣтахъ и пестрыхъ лентахъ.
Вотъ и сама невѣста. Голова
Украшена коронкою, блестящей
Отъ мишуры и камешковъ цвѣтныхъ;
Красивый станъ стянулъ кушакъ, расшитый
Узорами изъ золота; въ рукѣ,
Какъ слѣдуетъ, большая вѣтка мирта.
Вотъ и женихъ. Онъ въ бѣломъ зипунѣ,
А на одномъ изъ красныхъ отворотовъ
Большой букетъ, который возрастилъ
Онъ собственной рукою; съ наслажденьемъ
Теперь глядитъ садовникъ на цвѣты,
И думаетъ: «вотъ это въ прокъ работа!»

Готово все. Веселая толпа
Подъ окнами у фогта становится —
И свадебная пѣсня понеслась
Привѣтствіемъ радушнымъ господину:

«Пойте пѣсню, пойте! Сладко, сладко жить,
Если позволяютъ милаго любить!
Хорошо на свѣтѣ, весело тому,
У кого и ласка, и покой въ дому!»

Но ужъ пора, давно пора бы въ церковь!
За бариномъ задержка. И въ толпѣ
Ужъ слышится нетерпѣливый ропотъ:
«Да гдѣ же фогтъ? Да что жъ фогтъ не идетъ?»

Фогтъ не пришелъ. Вся пѣсенка пропѣта —
Фогтъ не пришелъ.

Вдругъ рѣзкій, страшный крикъ
Донесся внизъ изъ замковыхъ покоевъ...
Что̀ сдѣлалось? То голосъ фогта... да...
Почти совсѣмъ идти готовый въ церковь,
Онъ сотканный Скалихою камзолъ
Надѣлъ — и вдругъ упалъ на землю, вскрикнувъ,
Какъ бѣшеный... Жжетъ, жжетъ его камзолъ,
Какъ тысяча пожаровъ, какъ желѣзо
Каленое... шипитъ змѣею ткань
Крапивная и въ тѣло, словно панцырь
Изъ пламени, впивается... Вотще
Онъ рветъ съ себя одежду роковую —
Она сильнѣй, язвительнѣе жжетъ...
Пощады нѣтъ... Еще одно мгновенье,—
И гордый фогтъ — испепеленный трупъ.

Такъ, дѣтушки, для каждаго изъ смертныхъ
Прядется нить его земной судьбы.
Здѣсь — шумный пиръ и свадебныя пѣсни:
Тамъ — горькій плачъ и похоронный звонъ.
Но надо всѣмъ, что̀ было, есть и будетъ,
Для всѣхъ равно — незыблемымъ судьей
Свой вѣчный путь свершаетъ — **Справедливость**.

Родя.

Новогреческая народная сказка.

Жилъ старикъ въ былые годы. Дочекъ
Трехъ имѣлъ онъ, и звалася Родей
Самая меньшая. Эта Родя
Хороша была, какъ птичка въ полѣ —
Такъ красива, что царю хоть въ дочки;
И дивились всѣ, что не имѣла
Крылышекъ она, какъ Божьи духи.

Гдѣ бы Родя съ сестрами своими
И съ другими дѣвушками въ селахъ
На лугу ромейку *) ни плясала —
Красоту ея хвалили всюду.
«Хороша, какъ солнце! — говорили —
Хороша она, какъ цвѣтъ гранатный,
Что̀ направо и налѣво тихій
Вѣтерокъ качаетъ».

Сестры Роди
Были тоже хороши, да только
Ихъ при ней хвалить никто не думалъ:
Всѣхъ она собою затмевала.
И сестеръ сердило это крѣпко,
Оттого что думалось обѣимъ,
Что онѣ красивѣй всѣхъ на свѣтѣ.

И спросить онѣ рѣшились солнце,
Кто изъ нихъ всѣхъ лучше. Взяли сестры
Зеркальце, и имъ поймали солнце,
И, поймавши, такъ его спросили:

—Ты скажи намъ, солнышко, межъ нами
Кто всѣхъ краше?

Отвѣчало солнце:
—Я красиво, вы красивы тоже,
Но всѣмъ тремъ намъ далеко до Роди.

И тогда задумали сестрицы
Погубить меньшую.

*) Греческій танецъ.

Разъ, какъ стало
Ужъ темно, и всѣ втроемъ сидѣли
У огня и вышивали въ пяльцахъ,
Пригласили сестры Родю — вмѣстѣ
Въ лѣсъ пойти, чтобъ тамъ отцу на ужинъ
Травъ нарвать. И завели далеко,
Такъ далеко Родю злыя сестры,
Что никакъ бы ей домой дорогу
Не найти; тутъ кинули бѣдняжку
И домой украдкой побѣжали.

А она и въ мысляхъ не имѣла,
Что творятъ съ ней злое. Ей казалось,
Что она съ дороги просто сбилась —
И отъ страха стала плакать Родя.
Съ нею былъ всего одинъ лимончикъ;
Пополамъ его разрѣзавъ, жажду
Утолила — да и ждетъ, что̀ будетъ.

Между тѣмъ совсѣмъ уже стемнѣло,
И въ горахъ завыли волки. Крѣпче,
Горше стала плакать Родя; послѣ
Подъ густой оливою усѣлась,
И скрестила на груди рученки,
И склонила голову къ колѣнямъ.

А когда, чрезъ нѣсколько мгновеній,
Подняла опять ее, то видитъ —
Къ ней идетъ, блистая яркимъ свѣтомъ,
Издали процессія большая.

То была волшебница ночная,
Никтерида со своею свитой.
Свой обходъ таинственный свершала

Эта фея — въ длинномъ, длинномъ платьѣ
Изъ атласной и блестящей ткани;
Шлейфъ его тянулся вонъ изъ лѣса
По степи аршинъ, пожалуй, на сто;
Съ головы покровъ спускался черный,
А на немъ сверкали ярко-ярко
Звѣзды всѣ полуночнаго неба.

Увидавъ рыдающую Родю,
Передъ ней остановилась фея
И спросила: «Ты о чемъ горюешь?»
И тогда ей Родя разсказала,
Какъ она въ лѣсу съ дороги сбилась
И теперь дойти домой не можетъ.
Никтерида ей:

— Пойдемъ со мною:
Я тебя возьму замѣсто дочки.

И пошла съ волшебницею Родя,
И дошли онѣ къ большимъ чертогамъ,
Гдѣ колонны — чистый, бѣлый мраморъ,
Ихъ края — всѣ въ серебрѣ, въ брильянтахъ,
А вокругъ — обвились чудо-змѣи,
Весь дворецъ собою освѣщая.
Дали Родѣ дорогое платье —
Въ видѣ луга съ тысячью цвѣточковъ,
Вмѣсто красныхъ старенькихъ чарухій
Ноги ей обули башмачками
Золотыми, голову жъ покрыли
Красной феской, какъ огонь горѣвшей
Отъ жучковъ свѣтящихся, нашитыхъ
Вкругъ нея.

Но мы оставимъ Родю
И за злыхъ сестеръ теперь возьмемся.

Злыя сестры думали, что Родя
Ужъ навѣрно съѣдена волками.
И опять онѣ поймали солнце
Зеркальцемъ, и снова вопросили:

—Ты скажи намъ, солнышко, межъ нами
Кто всѣхъ краше?

Отвѣчало солнце:
—Я красиво, вы красивы тоже,
Но до Роди намъ всѣмъ тремъ далеко:
Ходитъ Родя въ платьицахъ цвѣточныхъ,
Въ серебрѣ, въ брильянтахъ: Никтерида
Приняла ее замѣсто дочки!

И, услыша это, сестры взяли
Шарфъ волшебный: кто его надѣнетъ—
Смерть тому сейчасъ же. Съ этимъ шарфомъ
Пробрались въ чертоги къ Никтеридѣ
И сестру одну застали дома.
Родя очень, очень рада сестрамъ,
Ихъ въ глаза цѣлуетъ и даритъ имъ
Часть свою въ родительскомъ наслѣдствѣ;
А онѣ дарятъ ей шарфъ волшебный —
И уходятъ. Шарфомъ повязала
Родя шейку — и упала мертвой.

Вотъ домой вернулась фея. Видитъ —
На коврѣ лежитъ безъ жизни Родя.
Громко стала плакать Никтерида,
И покровъ свой въ мелкіе кусочки

Изорвала, такъ что разлетѣлись
Звѣзды всѣ по комнатѣ, иныя жъ
Унеслись въ открытое окошко —
(Вотъ отсюда «падающихъ звѣздъ» имъ
И названье). И затѣмъ на дочку
Съ горькимъ плачемъ кинулася фея
И ее безсчетно цѣловала.
Вдругъ она на шеѣ Роди видитъ
Новый шарфъ — и сразу догадалась,
Что сидятъ въ немъ чары. Развязала —
И пропало колдовство въ минуту,
И опять живою стала Родя.
Какъ онѣ обрадовались обѣ!
Разсказала Родя все — откуда
Этотъ шарфъ достался ей, но злаго
На сестеръ ни на устахъ, ни въ мысляхъ
Ничего у ней не шевелилось.
И когда волшебница велѣла,
Чтобъ впередъ безъ ней не смѣла Родя
Ни души, будь даже самъ священникъ,
Во дворецъ не пропускать — ей стало
Тяжело и больно...

Сестры снова
Обратились къ солнышку съ вопросомъ
И отвѣтъ все тотъ же получили.

Вновь онѣ идутъ къ чертогамъ феи
И стучатся. Но послушна Родя
Материнской волѣ и не смѣетъ
Ихъ впустить, какъ это ей ни грустно.
И сказали сестры:

— Посмотри-ка,
Принесли какихъ тебѣ мы лакомствъ -
Пирожковъ изъ имбиря и ягодъ.
Если насъ впустить ты не желаешь,
Такъ спусти снурочекъ изъ окошка —
Мы къ нему корзиночку подвяжемъ.

Родя такъ и сдѣлала. Но въ этихъ
Пирожкахъ и лакомствахъ такое-жъ
Колдовство недоброе: чуть Родя
Въ ротъ взяла леденчикъ — снова мертвой
На коверъ упала.

Никтерида,
Воротясь, опять ее безъ жизни
Тутъ нашла и сразу догадалась,
Что ее сгубили злыя сестры.
Какъ она однако ни искала,
А найти, въ чемъ колдовство засѣло,
Въ этотъ разъ не удалось, и Родя
Мертвой такъ, бѣдняжка, и осталась.

Но рѣшиться снесть ее въ могилу
Не могла волшебница: пожалуй,
Кто нибудь найдется поумнѣе
И съ умершей сниметъ злыя чары!
Заказала гробъ она литаго
Серебра, въ немъ уложила Родю,
Нарядивши въ драгоцѣнный бархатъ,
Разукрасивъ тысячью брильянтовъ;
Привязали гробъ къ лошадкѣ умной—
И помчалась по свѣту лошадка.

Но теперь оставимъ фею съ Родей
И за сына царскаго возьмемся.

Это былъ красавецъ первый въ свѣтѣ:
На плечахъ носилъ онъ май прекрасный,
На груди — весну, глаза горѣли
Ярче звѣздъ, и брови отливали,
Какъ крыло воронье; и вдобавокъ
Былъ онъ такъ силенъ, что всѣхъ драконовъ
Одолѣлъ, и ужъ давно родитель
Отдалъ тронъ ему.

И вотъ однажды,
На охотѣ, видитъ королевичъ —
По степи бѣжитъ лошадка съ гробомъ
На спинѣ. Тотчасъ ее поймали —
И къ нему. Открылъ онъ крышку гроба —
Передъ нимъ красавица такая,
Что другой и не отыщешь въ свѣтѣ.
И тотчасъ влюбился королевичъ —
Такъ влюбился, что забылъ и пищу,
И питье, и сонъ, и дни, и ночи;
Запершись въ своихъ покояхъ, только
Все сидѣлъ у гроба мертвой Роди.

А она не измѣнилась вовсе:
Тотъ же цвѣтъ румяный, та же свѣжесть,
Только нѣтъ движенія и жизни.

Захирѣлъ нашъ королевичъ, точно
Яблоко увянувшее; держитъ
Голову обѣими руками —
Какъ лежитъ засохшее растенье
Межъ своими желтыми листами.
Ни душа войти къ нему не смѣетъ,
Никуда и самъ онъ не выходитъ,
Всѣ дѣла онъ въ государствѣ бросилъ,

Такъ что всѣмъ разбойникамъ и клефтамъ
Волю далъ, и съ этихъ поръ не могъ бы
Ужъ никто за жизнь свою ручаться.

Это все кручинило жестоко
Королеву-мать. Но допытаться,
Отчего случилось это съ сыномъ,
Не могла она.

Но вотъ однажды
Королевичъ изъ своихъ покоевъ
На минуту вышелъ. Мать вбѣжала —
Передъ нею гробъ, и въ гробѣ Родя,
Какъ живая, что̀ уснула только.
Тутъ сперва старуха изумилась,
Красоту увидѣвши такую,
А потомъ жестоко осерчала,
Что мертвецъ у ней и у народа
Отымаетъ сына — осерчала
И схватила за волосы Родю,
Чтобъ ее вонъ вытащить изъ гроба;
И при этомъ мертвую тряхнула
Сильно такъ, что изо рта у Роди
Выпалъ заколдованный леденчикъ —
И тотчасъ живою стала Родя.

Испугалась, увидавши это,
Королева. Послѣ зарыдала;
И цѣлуетъ Родю крѣпко-крѣпко,
И клянется, что иной дѣвицѣ
Никогда не быть женою сына.

Тутъ и самъ вернулся королевичъ:
Ошалѣлъ совсѣмъ онъ отъ восторга —

И недѣли не прошло, сыграли
Во дворцѣ они на диво свадьбу:
Весь народъ къ себѣ на пиръ позвали;
Сорокъ дёнъ и сорокъ ночекъ длилось
Пированье, и такую свадьбу
Не видалъ еще никто на свѣтѣ.

Только тутъ не долго счастье длилось:
Мойры*) Родѣ, при ея рожденьи,
Предсказали, что бѣда большая
Съ ней стрясется скоро послѣ свадьбы...

Годъ прошелъ — и наступило время,
Чтобъ дитя родилось у принцессы.

Узнаютъ про это злыя сестры,
Во дворецъ идутъ и объявляютъ,
Что онѣ первѣйшія на свѣтѣ
Повитухи, и служить ребенку
Позволенья просятъ. Но какъ только
Ихъ впустили въ комнату принцессы,
Всѣхъ онѣ повыслали оттуда:
Страшно, молъ, что кто нибудь по злобѣ
Можетъ вдругъ заколдовать ребенка!
Такъ однѣ онѣ остались съ Родей
И, оставшись, въ голову воткнули
Шпильку ей волшебную — и Родя
Превратилась въ маленькую птичку
И въ окно раскрытое порхнула.
А одна сестра въ ея постели
Улеглась, и принцъ новорожденный
Съ ней рядкомъ.

---

*) Греческія богини судьбы.

Приходитъ королевичъ
На дитя взглянуть — и испугался:
Передъ нимъ жена уродъ-уродомъ.
И она ему сказала: «Видишь,
Мой супругъ любезный, какъ я страшно
Подурнѣла!» Принцъ тотчасъ же вышелъ —
И жену съ минуты этой вовсе
Разлюбилъ.

Былъ у него роскошный,
Дивный садъ. Роса струилась съ неба
Круглый годъ. Деревья всѣ имѣли
Золотые листья; между ними
Красовались всѣ цвѣты земные.
И приказъ отъ короля былъ выданъ —
Сорока рабочимъ ежедневно
Поливать ихъ сахарной водою
И виномъ мускатнымъ. Королевичъ
Каждый день одинъ сюда на завтракъ
Приходилъ.

И вотъ къ нему однажды
Прилетаетъ маленькая птичка,
Передъ нимъ садится и такую
Рѣчь ведетъ:

— Скажи ты мнѣ, мой милый,
Хорошо ли спали нынче ночью
Принцъ, принцесса, сынъ новорожденный?

Отвѣчаетъ королевичъ:

— Спали
Мы всѣ трое хорошо.

А птица
Говоритъ:

— Отнынѣ ужъ принцесса
Какъ заснетъ, такъ не проснется больше;
Всѣ жъ цвѣты въ саду и всѣ деревья,
До которыхъ я крыломъ коснуся,
Будутъ сохнуть, пропадать навѣки!

Вотъ проходятъ дни, недѣли. Птичка
Все летаетъ — и чего коснется,
Сохнетъ все: цвѣты, кусты, деревья.
Обнажился, вымеръ садъ роскошный.
Умертвить садовники хотѣли
Злую птицу — запретилъ царевичъ.
А она опять, чуть только сядетъ
Кушать онъ, летитъ къ нему, и скоро
Приручилась такъ, что стала крошки
На столѣ клевать, и разъ усѣлась
На его колѣняхъ... Тутъ замѣтилъ
Королевичъ, что воткнута шпилька
Въ голову у птички. Осторожно
Онъ ее вытаскиваетъ — что же?
На его колѣняхъ снова Родя,
Но еще прекраснѣе, чѣмъ прежде.

Тутъ велѣлъ онъ заключить въ темницу
Злыхъ сестеръ и присудилъ ихъ къ смерти.
Но за нихъ съ горячими слезами
Заступилась Родя — молитъ мужа
Не лишать ихъ жизни. Принцъ и слышать
Не желаетъ. Родя плачетъ горше,
Плачетъ такъ, что Никтерида-фея

Къ ней пришла на помощь — стала съ дочкой
Умолять.

И предоставилъ сестрамъ
Принцъ на выборъ — умереть сейчасъ же,
Или жить въ его дворцѣ остаться
И имѣть передъ глазами вѣчно
Счастье Роди, младшей ихъ сестрицы.
Тѣ сказали:

—Нѣтъ, умремъ мы лучше.

И отъ злобы лопнули на мѣстѣ.

Молитва обо всѣхъ.

Изъ стихотвореній В. Гюго.

I.

Молись, дитя!.. Ночь тихая настала,
Луна глядитъ, прозрачны облака...
Душа людей томиться перестала,
Заснули въ ней страданье и тоска.

Межъ тѣмъ, какъ мы съ безумнымъ увлеченьемъ
Спѣшимъ испить веселіе пировъ,
Дитя, скрестивъ ручонки съ умиленьемъ,
Лепечетъ гимнъ Хранителю міровъ.

Безъ горькихъ слезъ, съ невинною любовью,
О счастьи всѣхъ тутъ молится дитя,
Потомъ пойдетъ, приникнетъ къ изголовью,
И такъ заснетъ, рѣзвяся и шутя.

И цѣлый рой игривыхъ сновидѣній
И чудныхъ грезъ тѣснится вкругъ него,
Бесѣду съ нимъ ведетъ Хранитель-геній,
И спитъ дитя, не зная ничего!..

II.

Молись, моя дочь, съ благодарной любовью,
О матери доброй! Она вѣдь не разъ,
Тревожно склонясь къ твоему изголовью,
Слезу отирала съ младенческихъ глазъ.
Молитвою въ небѣ тебя испросила,
Оттуда на землю тебя низвела,
Всѣ лучшія чувства въ тебѣ заключила,
Всѣ радости жизни тебѣ отдала.

Молись обо мнѣ — мнѣ нужнѣе молитвы...
Она, какъ и ты, и добра, и чиста,
Подъ злыми ударами жизненной битвы
Еще не затмилась души красота.
Ей чужды тревоги грѣховнаго свѣта —
И зависть, и злоба, и ложь, и развратъ,
И взоръ ея полонъ любви и привѣта,
И каждый страдалецъ и другъ ей, и братъ.

Я съ жизнью боролся, я знаю страданье,
Въ борьбѣ посѣдѣла моя голова,
Узналъ я, что счастье — пустое мечтанье,
Что слава и почесть — пустыя слова!
И нуженъ мнѣ отдыхъ отъ горькихъ мученій...
Молись же, голубка, въ полуночный часъ,
И съ взоромъ невиннымъ, упавъ на колѣни,
Скажи лишь: «о Боже, помилуй всѣхъ насъ!»

Угодна молитва невинная Богу,
Онъ благостно внемлетъ моленьямъ дѣтей...
Повѣрь мнѣ, все въ мірѣ имѣетъ дорогу:
Несутся потоки въ пучины морей,
Пчела на цвѣтокъ ароматный садится,
Орелъ величаво паритъ къ облакамъ,
Въ то время, какъ коршунъ къ могилѣ стремится;
Молитва дитяти летитъ къ небесамъ!..

Когда твои рѣчи несутся къ святынѣ,
Я — будто бы странникъ, свершающій путь,
Сложившій всю ношу въ привѣтной долинѣ,
Чтобъ въ ней съ упоеньемъ на мигъ отдохнуть.
Мнѣ легче, я полонъ блаженныхъ мечтаній,
Въ тотъ мигъ отлетаетъ вся горечь моя;
Все бремя печали, тоски и страданій
Уноситъ святая молитва твоя!..

III.

Молись о несчастныхъ,
Убитыхъ гоненіемъ рока,
О тѣхъ сладострастныхъ,
Погибшихъ въ пучинѣ порока,

Кто въ часъ тотъ священный,
Когда насъ молитва сзываетъ,
Виномъ упоенный
И Бога, и міръ забываетъ;

О томъ, кто сокрылся
Подъ камень печальной могилы,
Кто съ жизнью сразился,
Утративъ душевныя силы...

И тамъ есть печали,
И мертвыхъ тоска одолѣла,
Имъ нужно, чтобъ сняли
Съ нихъ бремя грѣховное тѣла!.

Ребенка моленье
О мертвомъ уже и живущемъ,
Взойдетъ, какъ куренье,
Предъ Богомъ, Творцемъ Всемогущимъ.

IV.

Ты жъ, Хранитель, Ангелъ чистый,
Другъ ребенка моего,
Осѣни крыломъ лазурнымъ
Жизнь грядущую его!

Охраняй его повсюду,
Двери къ счастью укажи
И на жизненной дорогѣ
Отъ паденья удержи!

И присутствіемъ чудеснымъ
Умъ и сердце укрѣпляй,
И дыханьемъ благодатнымъ
Миръ небесный навѣвай!..

74202210

LIBRARY OF CONGRESS
00025026573